

Сверхспособность Чжоу Хэна позволяла ему управлять ростом растений, используя их в бою. Проще говоря, это была способность стихии дерева. Разумеется, среди буйной зелени она обретала куда большую убойную силу, нежели среди безжизненного городского бетона.

В черте города он и близко не мог повторить то, что с легкостью проделывал в лесной глуши, призывая на помощь толстые, сокрушительные плети плюща и диких лоз.

А потому сейчас, глядя, как Янь Пин играючи поднимает голыми руками многотонный танк, Чжоу Хэн исходил жгучей завистью.

Впрочем, если он просто завидовал, то у остальных при виде этого зрелища едва слюнки не текли. И наблюдая за кислой миной неблагодарного парня, они едва сдерживали желание начистить ему физиономию.

«Ишь, паршивец! — так и читалось на их лицах. — Получил силу, о которой другие только мечтают, и еще нос воротит, мол, слабовата она по сравнению с чужой. Да это же верх наглости!»

«Не нравится — отдай мне! Да я бы со своей способностью носился как с писаной торбой!»

От этих алчных, липких взглядов Чжоу Хэн невольно поежился, но лицо его тут же приняло привычное, безучастное выражение. В конце концов, окажись любой на его месте под таким ежедневным прицелом — и не к такому бы привык.

Последние дни он чувствовал себя диковинной обезьянкой в зоопарке. И друзья, и случайные знакомые — все подряд липли к нему, придумывая самые нелепые предлоги и канюча с настойчивостью капризных детей: «Ну покажи силу, ну продемонстрируй!»

Но хуже всего было то, что простым созерцанием дело не ограничивалось. Особо рьяные так и норовили пощупать его зеленые побеги, пуская слюни от восторга.

Ладно бы только лапали — так ведь засыпали еще и дурацкими вопросами, от которых голова шла кругом!

Откуда ему знать, как пробудить дремлющую силу?! Каким образом он должен «пробить им энергетические каналы»? И какие, к черту, трактаты по самосовершенствованию он должен им дать?!

Да сколько можно повторять: это сверхспособности! Обычные мутации, которые у него самого проявились черт знает почему! Никакого даосизма! Никаких боевых искусств! Какая, к чертям собачьим, циркуляция энергии?!

Конечно, Чжоу Хэн ворчал, но в глубине души его распирало от восторга. Обывателям не

понять этого пьянящего чувства — словно ты в одночасье сорвал колоссальный джекпот. Это ликующее, бурлящее внутри счастье невозможно было сдержать.

Да если бы его никто не спрашивал, он бы сам ходил гоголем и хвастался перед каждым встречным!

Когда ребячество поутихло, Янь Пин с легким смущением потер лоб. С чего это он вдруг решил покрасоваться? Ах да, недавний разговор... Он ведь случайно проболтался о своей нечеловеческой мощи Вэнь Цзяню. Тот, пребывая в Великой Юн, все уши ему прожужжал: мол, будь у него такая силушка, он бы непременно нашел момент поэффектнее, чтобы до полусмерти напугать окружающих и потешить самолюбие. Видимо, этот мальчишеский задор генерала передался и ему, раз он решился на столь глупую выходку.

Да, точно. Все из-за Вэнь Цзяня!

Пока Янь Пин с невозмутимым видом мысленно перекладывал вину на чужие плечи, к ним подошел дежурный и попросил его и Чжоу Хэна пройти за ним.

Стоило им скрыться из виду, как несколько зевак тут же подскочили к танку и попытались хотя бы сдвинуть его с места. Разумеется, стальная машина даже не колыхнулась.

Смельчаки смущенно отряхнули ладони и поспешили убраться восвояси, хотя в их душах жажда обрести сверхспособности разгорелась с новой, неистовой силой.

Тем временем Янь Пина и Чжоу Хэна привели в кабинет, где перед ними на стол легли плотные папки с документами.

— Что это? — спросил Янь Пин, беря верхний лист.

— Контракт обладателя сверхспособностей, — ответил чиновник. Он сидел, натянув спину как струну, а на его изможденном лице с глубокими тенями под глазами сияла предельно вежливая улыбка.

Проект соглашения составляли в авральном режиме. Внезапное появление аномальных сил и лавина сопутствующих проблем заставили ведомство работать на износ. В последние дни сотрудники крутились как белки в колесе, забыв о нормальном сне и отдыхе.

Янь Пин перевернул страницу и углубился в чтение. Суть документа сводилась к следующему: подписание контракта гарантировало зачисление во внештатный состав. В случае столкновения Отдела по особым делам с инородными существами одаренные обязывались подчиняться приказам командования. Взамен государство гарантировало щедрое жалованье, социальный пакет и доступ к тренировочным комплексам, а также снабжение ресурсами по мере их появления.

Отказникам же предлагалось альтернативное соглашение — Контракт об ограничении способностей. Его условия были куда жестче: использовать силу разрешалось исключительно при прямой угрозе жизни. В мирное время налагался строжайший запрет на причинение физического или психологического вреда окружающим, коммерческое использование дара и многое другое...

Пункты ограничений тянулись длинной, убоистой простыней текста — с ходу все и не изучишь. Но лейтмотив оставался неизменным: если твоей шкуре ничего не грозит, забудь, что ты особенный.

Требования казались драконовскими, а некоторые параграфы и вовсе лишены здравого смысла, однако для столь спешной работы свод правил выглядел на удивление проработанным.

Новый порядок только зарождался, и предугадать грядущие потрясения не мог никто. Разумеется, чиновники действовали вслепую, опираясь лишь на догадки, в которых неизбежно крылись ошибки.

Реальность редко совпадает с фантастическими романами, а опыта в подобных делах человечество еще не нажило.

Изначально Янь Пин не собирался связывать себя обязательствами первого контракта. Его гордая, властная натура противилась любому контролю — он органически не переносил чужих приказов.

Но стоило его взгляду зацепиться за строчку с размером жалованья, как он заколебался.

С момента своего появления в этом мире он перебивался лишь платой за уроки традиционной живописи, которые давал Янь Ли. Деньги платили неплохие, но их хватало разве что на скромный быт.

Если же ему хотелось побаловать себя добротной одеждой или отправить в Великую Юн подарок Вэнь Цзяню — какую-нибудь диковинную вещицу или заморское лакомство, — приходилось урезать каждую копейку. Порой дело доходило до того, что ему приходилось принимать помощь от Бай Фана.

В своей первой жизни в Великой Юн он если и бедствовал, то недолго. С его умом и талантами раздобыть золото никогда не составляло труда.

Здесь же, под бдительным присмотром недоброжелателей, жаждавших его падения, любые махинации грозили серьезными проблемами с местным правосудием.

Словом, безденежье порядочно ему досадило.

С другой стороны, дело было не только в звонкой монете. Из-за высочайшей боеспособности здешней армии Янь Пин, оборачиваясь черным зверем, вынужден был выжидать, пока спецназ окажется на грани поражения, и лишь тогда вступить в бой ради заветных очков заслуг.

Вмешайся он раньше, когда военные полностью контролируют ситуацию, его бы наверняка сочли враждебным элементом.

Теперь же открывалась возможность грести очки заслуг абсолютно легально. Упустить такой шанс было бы верхом глупости.

Найдя для себя благовидное оправдание, Янь Пин взял изящными пальцами ручку и размашисто расписался внизу листа.

— Рад сотрудничеству, — ровно произнес он, возвращая папку.

— И мы очень рады! — представитель Отдела так расплылся в улыбке, что глаза его превратились в щелочки. — Кстати, в нашем распоряжении есть отличные гравитационные тренировочные комнаты. Они незаменимы для укрепления тела. Если захотите позаниматься, просто попросите Гу Яня, он вас проводит.

— Благодарю, — кивнул Янь Пин. — Могу я идти?

— Разумеется. Гу Янь докладывал о ваших выдающихся навыках рукопашного боя: одолеть в одиночку банду торговцев людьми — дорогого стоит. Базовая подготовка вам не требуется, так что можете возвращаться домой прямо сейчас, — вежливо ответил чиновник.

Янь Пин прекрасно понимал: откажись он от службы, его бы еще долго мариновали в застенках Отдела. Но заикливаться на этих мелочах он не стал.

Обменявшись контактами и уладив формальности, он покинул базу.

Едва дверь за гостем закрылась, чиновник тихо победно ухнул. За границей черные дыры пока не открывались, а присланные отчеты и видеозаписи тамошние спецслужбы упрямо считали дешевой фальшивкой, за которой скрывается очередной заговор Страны Хуа.

До того как у граждан начали просыпаться сверхспособности, в Стране Хуа с горечью завидовали спокойствию соседей по планете. Теперь же всякая зависть улетучилась без следа.

Пусть у чужаков тишь да гладь, но у них нет одаренных! В этой новой гонке вооружений остальные державы обречены плестись далеко позади.

Осознание этого факта грело душу лучше любого коньяка.

Подойдя к своей квартире, Янь Пин даже не удивился, застав на лестничной клетке Гу Юаня. Откуда у этого утонченного юноши взялась привычка подпирать чужие двери, совершенно не вяжущаяся с его изысканным обликом, оставалось загадкой.

— Ты пропал со связи, я заволновался, — поднявшись, Гу Юань обезоруживающе улыбнулся и развел руками. — Номера твоего у меня не было, вот и пришлось караулить здесь. Сама судьба вынуждает меня бомжевать у твоего порога.

Достав смартфон, Янь Пин молча вбил его контакты в записную книжку, после чего отпер замок. Уже на пороге он обернулся:

— Зайдешь?

Все-таки парень прождал его бог весть сколько времени исключительно из дружеского беспокойства.

Гу Юань тепло улыбнулся и шагнул в прихожую.

Рядом с Янь Пином его всегда отпускало. Та невидимая, удушливая плита, что изо дня в день давила на плечи, здесь словно становилась легче, а воздух казался чище и прозрачнее.

Усадив гостя на диван, хозяин квартиры молча налил ему стакан теплого молока и без лишних слов ушел в ванную.

Подобное гостеприимство едва ли укладывалось в рамки хорошего тона, однако Янь Пин никогда не жертвовал собственным комфортом ради чужих условностей. На всей земле не существовало человека, способного заставить его переступить через себя. Ну, за исключением разве что Вэнь Цзяня.

Гу Юань ничуть не обиделся. Посмотрев на стакан в своих руках, он с тихим смешком крикнул вслед:

— Послушай, я же дарил тебе отличный чай! Почему молоко?

На пороге ванной Янь Пин замер. Обернувшись, он уставился на гостя взглядом, в котором читалось искреннее недоумение:

— Так ведь то был подарок мне. При чем тут ты?

«Надо же, какой ревностный собственник, — подумал Гу Юань. — Чистый кот: гордый, независимый и жутко ревнивый к своим вещам».

От этой мысли гость расхохотался:

— Ладно-ладно, намек понял! Завтра принесу банку лично для себя и оставлю у тебя на полке.

Одарив его прохладным взглядом, Янь Пин скрылся за дверью.

Гу Юань пригубил молоко, пряча улыбку. Он прекрасно понимал, что дело не в дурных манерах и уж тем более не в жадности. Напротив: такое непринужденное, даже слегка капризное поведение означало лишь то, что Янь Пин окончательно признал его своим другом и перестал носить фальшивые маски благопристойности.

Горячие струи воды хлестали по плечам Янь Пина, смывая напряжение последних дней. Капли стекали по лбу, очерчивали переносицу, линию подбородка и скапливались в ложбинке ключиц крошечными озерцами, после чего сбегали дальше по рельефному, тренированному телу. Сам он тоже тихо удивлялся происходящему.

Под пеленой водяной пыли его взгляд казался бездонным и непривычно задумчивым.

Мир, в который он попал, оказался поразительно чистым и простым по сравнению с удушливой атмосферой придворных интриг Великой Юн. Лишившись необходимости вечно ждать удара в спину, его израненный разум наконец расслабился. Броня подозрений дала трещину, позволив впустить в жизнь кого-то вроде Гу Юаня.

Но главным виновником этих перемен был, конечно же, Вэнь Цзянь. В тот миг, когда к Вэнь Цзяню вернулась память, неприкаянная, веками скитавшаяся по чужим мирам душа Янь Пина наконец обрела гавань. Обретя якорь, он обрел и покой.

Янь Пин беззвучно вздохнул, и он безропотно принял эти метаморфозы своего характера.

Вскоре, переодевшись в просторные домашние штаны и мягкую футболку, он вернулся в гостиную и устроился на противоположном конце дивана.

Пускай Гу Юань и уступал ему в житейском опыте, эрудицией он обделен не был. Обладая блестящим умом и страстью к чтению, юноша после ухода из шоу-бизнеса буквально поселился в библиотеках, поглощая фолианты по философии, истории и точным наукам без разбора.

Беседы с ним доставляли Янь Пину истинное удовольствие. Кое-какие пробелы в понимании устройства современного общества он без смущения восполнял, расспрашивая начитанного гостя.

Век живи — век учись. Знания, подобно годам, прибывают непрерывно, и каждое новое столетие приносит свои открытия. Что уж говорить о Янь Пине, которого от этой реальности отделяла целая пропасть эпох.

Гу Юань тоже ловил каждое его слово. Чем дольше длился их разговор, тем сильнее росло его изумление. Янь Пин напоминал ему мудрого старца: современные технические термины давались ему со скрипом, но стоило коснуться древности, как перед взором разворачивалась колоссальная бездна познаний. Собеседник казался ожившей летописью — величественной, загадочной и безумно притягательной.

Его завораживали суждения Янь Пина об исторических процессах, рассказы о великих битвах и падениях династий, которых не знала официальная наука. Каждое слово дышало скрытым, едва уловимым подтекстом, требующим вдумчивого осмысления.

Размеренная, неторопливая речь Янь Пина раз за разом уносила мысли юноши в глубину ушедших веков.

Досадовал Гу Юань лишь на одно: частенько на самом интересном месте у Янь Пина оживал телефон, и тот, коротко извинившись, срывался с места. Возвращался он под утро, а то и на следующий день.

Сперва Гу Юань обижался, но со временем природная наблюдательность взяла верх, и он заметил странную закономерность.

Сопоставив даты его внезапных уходов, выведенные у Чжао У и других общих знакомых, и отняв время на дорогу, он сравнил их со сводками происшествий в сети. Пазл сложился: каждая отлучка Янь Пина с точностью до минуты совпадала с сообщениями о прорывах инородных тварей.

Гу Юань прищурился, и в его глазах вспыхнул живой, исследовательский интерес.

Негодование Гу Юаня полностью разделяли Бай Фан, Цинь Хуань, Чжао У и Лу Юань. Стоило им с огромным трудом вытащить Янь Пина на какую-нибудь дружескую посиделку, как посреди веселья раздавался злосчастный звонок, лишая их компании товарища.

Больше всех исходила ядом Лу Юань. Девушка давно заглядывалась на Янь Пина и надеялась частыми встречами разжечь в его сердце ответное пламя. В ее планах было сначала удостовериться в его симпатии, а затем тонко подвести красавца к признанию.

В амурных делах она допускала женскую инициативу, но твердо верила: решающий шаг и признание в любви — священная обязанность мужчины.

Однако суровая реальность раз за разом рушила девичьи грезы. Стоило атмосфере стать хоть

немного интимной, как трезвон мобильного пускал под откос весь сценарий. Лу Юань была готова рвать и метать от досады.

Ей безумно хотелось закатить сцену — как он смеет бросать такую роскошную женщину ради каких-то там дел?! — но остатки здравого смысла подсказывали, что глупо обижаться на форс-мажор. Вдруг там действительно что-то серьезное?

Младшая сестра, Лу Сяо, прознав о душевных терзаниях родственницы, нешуточно испугалась. «Похоже, сестрица втюрилась по уши», — подумала она. В обычной жизни Лу Юань только притворялась благовоспитанной леди, а уж со своими бывшими ухажерами капризничала и скандалила по малейшему поводу. Чтобы она заботилась о чьих-то там «срочных делах»? Немыслимо!

Сам Янь Пин лишь мысленно разводил руками. Отдел по особым делам эксплуатировал внештатных сотрудников нещадно, без малейшего намека на жалость. Спасало одно: вид банковских уведомлений о зачислении кругленьких сумм мгновенно примирял его с суровой действительностью.

Чтобы выкроить хоть немного свободного времени, он периодически шел на хитрость — «случайно» получал легкую травму в бою и со спокойной совестью брал трехдневный больничный.

На людях он старался не демонстрировать истинную мощь, искусно занижая планку до уровня Чжоу Хэна. В боевых двойках он обычно брал на себя ближний бой, пока напарник прикрывал его дальнебойными техниками дерева. Под чутким, ненавязчивым руководством Янь Пина их тандем вскоре превратился в слаженный механизм.

При обнаружении очередной черной дыры элитный отряд, сформированный из лучших армейских кадров, под прикрытием спецназа и двух одаренных пытался пробиться к самому эпицентру аномалии.

К несчастью, большинство пространственных разломов схлопывались слишком быстро. Лишь изредка, за несколько месяцев затишья, попадались стабильные черные дыры. И там, благодаря негласной поддержке Янь Пина, ряды защитников страны пополнили еще несколько новоиспеченных обладателей сверхспособностей.

Увы, везло не всем. Некоторые бойцы при первом же взгляде в черную дыру ломались ментально — их сознание затягивало в кошмарный чужой мир, и бедолаги по сей день лежали в реанимации без признаков жизни.

«Любая сила требует платы, — философски размышлял Янь Пин. — В подлунном мире не бывает бесплатных пирогов».

Впрочем, баловни судьбы все же рождались на свет. Да такие, что даже сам Янь Пин порой

ловил себя на уколе легкой зависти.

Желтый лист гинкго, кружась, летел к земле. Янь Пин, стоявший под сенью дерева с мороженым в руке, даже не поднял головы. Едва заметное движение корпусом — и золотистая пластинка пролетела мимо лакомства, не задев его ни единым краем.

Он дотрагивался до повязки на голове. Белые бинты ослепительно сияли в лучах осеннего солнца, напоминая о превратностях судьбы.

Не так давно Ичэн накрыла серия черных дыр. Отдел по особым делам экстренно стянул в город все боеспособные силы.

Три дня назад крупная черная дыра разверзлась в уезде Усянь. Оказавшийся неподалеку Янь Пин прибыл на место одним из первых и застал там старых знакомых, которых едва ли мог назвать близкими друзьями.

Перед ним предстала знакомая великолепная пятерка из его игрового прошлого — те самые парни, с которыми он когда-то проходил инстанс «Обмануть небеса»: Нин Тянь, Хо Лин по прозвищу Бедствие, Прудовая Рыба, Старая Бездна и Пришествие Облака.

Зрелище они являли собой плачевное. Тварь из черной дыры выпростала исполинские, усаженные присосками щупальца и спеленала незадачливых геймеров, словно младенцев. Исполинская туша ломилась сквозь черную дыру, намереваясь полакомиться живой добычей, которую уже держала наготове.

Однако именно в этот критический миг, на волосок от гибели, вся пятерка умудрилась благополучно пробудить свои скрытые таланты. Причем их новые способности оказались на редкость разрушительными.

Игровые асы оправдали свой неформальный статус «великих богов». Без лишних соплей и паники они мгновенно сориентировались в ситуации и, едва освободившись от захвата, обрушили на чудовище всю мощь новообретенного оружия.

Травма Янь Пина стала прямым следствием их тактической безграмотности. Пятерка палила издали почем зря, совершенно позабыв, что в гуще боя, прямо у пасти монстра, находится их единственный боец ближнего боя.

Сдерживая четырехэтажного левиафана, Янь Пин вынужден был ежесекундно уворачиваться от хаотичных «дружественных» заклинаний, летевших со всех сторон. Пятерка вчерашних задротов палила без разбора и малейшей координации, превращая поле боя в сущий ад. Даже его отточенные веками рефлексy едва справлялись с такой плотностью шального огня.

Ему приходилось не только сдерживать чудовище и уворачиваться от снарядов союзников, но и тщательно контролировать собственные движения, чтобы ненароком не выдать истинную силу. Попутно он высматривал удобный момент, дабы «допустить ошибку», получить неопасное ранение и выбить себе законный отпуск.

Однако кутерьма, устроенная Нин Тянем и его кликой, перешла все разумные границы. Оценив масштаб безумия, Янь Пин мысленно махнул рукой на свой план и решил закончить дело поскорее, пока его не испепелили собственные союзники.

Но ирония судьбы сыграла с ним злую шутку. Стоило ему уллучить секунду для смертельного удара по гигантскому спруту, как со спины прилетел шальной снаряд от кого-то из своих. Глухой удар пришелся аккурат в затылок.

Янь Пин вздохнул и откусил кусок фруктового льда. Воспоминания о той нелепой битве до сих пор вызывали у него нервный тик. Впрочем, стоило ему перевести мысли на успехи Вэнь Цзяня, как на душе сразу потеплело.

Недавняя осенняя жатва в Великой Юн наделала немало шуму. Земля, которую они с генералом возделывали по новой методике, принесла урожай, вдвое превышающий обычный. Деревня буквально стояла на ушах. Порог захудалой хижины Вэнь Цзяня за те дни истоптали до основания толпы любопытных.

Генерал утайкой заниматься не стал. Он щедро поделился с крестьянами рецептом удобрений, а подробные записи опытов вместе с образцами подкормки немедленно отправил с надежным гонцом прямиком государю.

Его Величество, получив доклад, сперва засекретил государственную тайну, а затем использовал это эпохальное открытие как весомый повод для полной реабилитации Вэнь Цзяня. Лишь после того, как несправедливые обвинения были официально сняты, а честное имя восстановлено, император предал дело огласке.

На волне всеобщего ликования за заслуги перед отечеством Вэнь Цзянь взлетел по карьерной лестнице сразу на две ступени, заняв пост генерала гвардии. Отныне на его плечи возлагалась священная обязанность — охрана столичных рубежей.

Влияние и слава Вэнь Цзяня возросли до небес.

Янь Пин задумчиво доел мороженое. Теперь его верный соратник встал вровень с могущественным «канцлером Янем». Это противостояние титанов не могло не внушать тревогу.

Сами же ледяные лакомства появились в обиходе генерала благодаря заботе Янь Пина. Заметив, что осень в Великой Юн выдалась на редкость знойной и душливой, он начал регулярно переправлять другу коробки со сладким льдом.

Кто же знал, что Вэнь Цзянь, долизав очередную порцию, обнаружит на плоской деревянной палочке выжженную надпись. Там значилось: «Рукам воли не давай, сердцем люби».

Сурового воина эта забава привела в неописуемый восторг. Он тут же принялся с мальчишеским азартом вымогать у Янь Пина ответное послание, требуя, чтобы тот непременно нашел палочку с предсказанием и зачитал ему текст.

Вчера Янь Пин честно скупил половину ларька у госпиталя, но, кроме несварения желудка и нагоняя от дежурной медсестры, ничего не добился. Пришлось сегодня, дождавшись тихого часа, тайком улизнуть из палаты и обосноваться прямо у порога кондитерской лавки, методично уничтожая запасы в надежде на удачу.

И вот наконец на обнажившейся деревяшке проступили черные контуры букв. Янь Пин облегченно выдохнул — еще пара порций, и он сам превратился бы в ледяную статую.

Аккуратно стерев остатки сладкого сиропа бумажной салфеткой, он поднес палочку к глазам, чтобы разобрать надпись. В этот самый миг откуда-то издалека докатился оглушительный рокот взрыва. Янь Пин вскинул голову, и он резко прищурился.

<http://bllate.org/book/18369/1765908>